

Командиры и бойцы РККА. Фотография 1930 г.

УДК 94:355.2(470)

Смирнов А.А.

Принудительное комплектование Красной Армии командным и начальствующим составом в 1920-е – 1930-е гг.

Смирнов Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Московский архитектурный институт (государственная академия), обозреватель журнала «Родина»
E-mail: slmail@mail333.com

Статья посвящена практиковавшемуся в СССР в 1920-е – 1930-е гг. принудительному направлению рабочих в военные школы для подготовки из них кадровых командиров Красной Армии. Показана широкая распространенность этой практики и обусловленность ее потребностями правящей большевистской партии; отрицательное влияние принудительного зачисления на учебу на формирование профессиональной мотивации будущих командиров, а следовательно, и на их успехи в учебе и выработку у них дисциплины. Сделан вывод о принудительности службы в армии немалого количества командиров РККА как одной из причин низкого уровня боевой выучки РККА в середине и второй половине 1930-х гг.

Ключевые слова: военная профессия, мотивация, Красная Армия, рабочие, военные школы, принудительное зачисление, курсанты, спецнабор, «отчисленческие настроения», боевая выучка.

Вряд ли требует доказательств та истина, что успешность выполнения человеком его профессиональных обязанностей напрямую зависит от его, человека, профессиональной мотивации, от степени интереса и любви к своему делу. Тем более это верно для офицера, чьей профессиональной обязанностью является подавление в себе инстинкта самосохранения и на чью жизнь накладывается больше служебных ограничений, чем на жизнь лица гражданской профессии. Компенсировать столь серьезные трудности может лишь высокая профессиональная мотивация.

Со времени, когда офицерская служба перестала считаться сословным дворянским занятием (т.е. со времен Великих реформ Александра II), в России с такой мотивацией не было проблем лишь у будущих офицеров кавалерии, артиллерии и флота. Так, в первый из этих родов войск вливался «вполне однородный элемент»,

«проникнутый глубокой любовью к конному делу и бесконечно гордящийся званием кавалерийского офицера»¹. Точно так же «любовь к своему специальному делу и добросовестное к нему отношение, за редкими исключениями, были традицией и старых, и молодых полевых артиллеристов»². Но в самый многочисленный род войск – пехоту (за исключением гвардейской) – офицерами шло и множество таких молодых людей, которым просто некуда было больше податься. У одних – как, например, у будущего писателя А.И. Куприна – не было средств на завершение среднего и/или получение высшего гражданского образования – а юнкера военных и юнкерских училищ находились на полном государственном обеспечении. Другие не имели способностей для того, чтобы закончить классическую гимназию с ее древними языками – а в юнкерские училища принимали и с неполным средним образованием... «Наблюдая офицеров в полку, – вспоминал о своем командовании в 1908–1910 гг. 16-м гренадерским Мингрельским полком генерал-лейтенант П.И. Аверьянов, – я пришел к убеждению, что избравших военную службу **по влечению или призванию** среди них только единицы...»³.

Тем не менее эти люди сами сделали свой выбор – и выбор осознанный. Пусть их мотивация и не была столь высокой, как у офицеров по призванию, в конечном счете они тоже оказывались настроены на изучение военного дела и подчинение своей жизни требованиям служебного долга. Закончим оборванную нами цитату из воспоминаний Аверьянова: «...Избравших военную службу **по влечению или призванию** среди них только единицы, но людей долга – много». И «эти люди долга были полезны для армии не меньше офицеров по призванию, их было большинство»⁴. Хотя бы потому, разовьем мы мысль генерала, что, поставив

Гренадеры 16-го Грузинского Мингрельского полка. Начало XX в. Фото с сайта http://russiahistory.ru/fotografii_kontsa_hix_nachala_xx_veka_chast_6_armeytsyi_12-2/

Фото из книги «Охоты Кавказа. Составил штабс-капитан 16 Гренадерского Мингрельского полка А. Калиновский» (СПб., 1900). С сайта <http://www.kabinet-auktion.com/auktion/books17/244/?print=print>

перед собой цель стать офицером, добросовестно в массе своей учились. Собственно, иначе бы они и не попали в престижный Мингрельский полк. Богатая боевая история, овеянная кавказской экзотикой, статус гренадерского (т.е. отборного), а главное, стоянка в солнечном и кипевшем жизнью Тифлисе – все это делало службу в этом и других полках Кавказской гренадерской дивизии столь привлекательной, что некомплекта офицерского состава они, в отличие от многих других пехотных частей, никогда не испытывали. Если в полках таких дивизий Кавказского военного округа, как 20-я, 39-я и 51-я пехотные, в 1912–1913 гг. насчитывалось по 60–67 офицеров (при 74 по штату), то в полках Кавказской гренадерской дивизии – по 78–80⁵. Но именно потому, что вакансии в Мингрельский полк расхватывались в первую очередь, они доставались лишь хорошо успевавшим юнкерам. Ведь разбор вакансий выпускниками военных и юнкерских училищ производился в порядке убывания их учебного рейтинга (а также должностного положения, которое тоже было напрямую связано с успехами в учебе)... «Человеком долга» был и будущий Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников – не питавший смолоду пристрастия к военной службе, но закончивший в 1903 г. Московское военное училище одним из первых и пробившийся в 1907-м, несмотря на невероятный конкурс, в Академию Генерального штаба.

А вот в СССР 20-х–30-х гг. командирами Красной Армии становились и люди, которые не только не видели в военной службе своего призвания, но и никогда бы не выбрали военную профессию по другим мотивам. Власть заставляла их сделаться профессиональными военными принудительно.

Эта совершенно необычная для мирного времени практика вытекала из стремления большевистской власти иметь вооруженные силы, лояльные по отношению к тогдашней политике партии большевиков. То есть такие, которые не сорвут, а, наоборот, обеспечат построение в России (а в перспективе и во всем мире) марксистского социализма. Поэтому командный состав армии и флота большевистская власть стремилась сформировать из представителей тех социальных слоев, которые считались наиболее заинтересованными в социализме – из рабочих или, на худой конец, из крестьян-бедняков⁶. Поэтому вплоть до 1933 г. «советские разночинцы и прочие» – хотя у них и кимелась налицо «тяга» к поступлению в военные школы⁷ – от командирской профессии целенаправленно отсекались, а рабочие в военные школы так же целенаправленно заманивались.

¹ Мураховский М.Н. Картины полковой жизни (из воспоминаний кавалерийского офицера) // Кавалеристы в мемуарах современников. 1900–1925. Вып. 3. М.: Рейтар, 2001. С. 29.

² Деникин А.И. Старая армия // Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М.: Айрис-пресс, 2006. С. 300

³ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 51. Л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 55. Л. 31 об.

⁶ Подробнее см.: Смирнов А.А. «Социальный расизм» и деинтеллектуализация командного состава Красной армии в 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Величие и язы Российской империи. Международный научный сборник к 50-летию О.Р. Айрапетова. М.: Издательский дом «Регнум», 2012. С. 576–609; Он же. Боевая выучка Красной Армии накануне репрессий 1937–1938 гг. (1935 – первая половина 1937 года): В 2 т. Т. 2. М.: ООО «Родина-медиа», 2013. С. 409–431, 500–503.

⁷ Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг. Кн. 2. М., СПб.: Летний сад, 2006. С. 90–91.

Слева: Московские командные курсы РККА (фото 1920-х гг.); справа: Быково. На учениях красных командиров (фото 1925 г.)
С сайта <http://humus.livejournal.com/3499979.html>

Однако рабочие кадровыми командирами, как правило, становиться не желали! «Подбор поступающих по классовому признаку, – отмечалось в составленном в Главном управлении РККА (ГУ РККА) обзоре состояния РККА в 1927–1928 гг., – затрудняется слабой тягой в военные школы рабочей молодежи из числа индустриальных рабочих и партийцев. <...> Основные причины: слабая материальная обеспеченность комсостава (не главная причина) по сравнению с нормами зарплаты на производствах, отсутствие быстрого продвижения по службе и неограниченное служебное время при строгом служебном и неслужебном режиме»¹.

Составителям следовало бы признать другое: рабочие (что вполне естественно) в принципе не хотят менять профессию и становиться военными. В самом деле, ссылки на «отсутствие быстрого продвижения по службе» просто смешны. Согласно тому же обзору, из командиров, выпущенных из нормальных военных школ в 1923 г., в 1927-м свыше 50% уже командовали ротами (т.е. на должностях командира взвода и помощника командира роты находились не более, чем по два года), 20% были уже помощниками командира батальона, а 5,2% командовали батальонами² (иными словами, пребывание на каждой из предшествующих командных должностей заняло у них не более, чем по году). В иностранных армиях даже до командира роты тогда надо было дослуживаться 6–12 лет; так, в Польше роту получали лишь на 10-м–12-м году офицерской службы... А «строгий служебный режим» и ограничения, накладываемые на частную жизнь кадрового военного, никогда не останавливали тех, кто видел в военной службе свое призвание. Если уж сводить дело к факторам, перечисленным в обзоре, то наибольшее значение имела как раз недостаточная зарплата командира РККА 20-х гг. В составленном для Политбюро ЦК ВКП(б) отчетном докладе РВС СССР о состоянии армии и флота за период с мая 1927 по июнь 1929 гг. этот фактор выставлен уже как главный и единственный: «Рабочая квалифицированная молодежь в ВУЗы [здесь: военно-учебные заведения – А.С.] идет «туго». Причина этого заключается в том, что молодой квалифицированный рабочий не желает терять своей специальности и не хочет менять свой сравнительно приличный заработок на курсантское жалованье³, а затем на меньшую же по сравнению с зарплатой квалифицированного рабочего зарплату командира³. Но и из этого доклада видно, что не меньшую роль в нежелании рабочих становиться кадровыми военными играла их иная профессиональная ориентированность...

Эта иная ориентированность сохранялась и в начале 30-х. «Вербовка среди рабочей молодежи, – констатировал в начале 1930 г. начальник Управления военно-учебных заведений Главного управления РККА (УВУЗ ГУ РККА) А.И. Тодорский, – протекает крайне неудовлетворительно и неуспешно». «Общеизвестно, – писал 5 апреля 1932 г. начальник штаба Ленинградского военного округа (ЛВО) С.П. Урицкий, – что наиболее квалифицированная часть рабочей молодежи в военную, особенно пехотную школу не идет»⁴...

Поэтому уже в середине 20-х гг. командсостав РККА приходилось комплектовать в значительной степени *принудительно* – насильно зачисляя в военные школы рабочих и других лиц с подходящими «социально-партийными данными» (например, крестьян – членов РКП(б)/ВКП(б) и РКСМ/РЛКСМ/ВЛКСМ). Такой метод, естественный только в условиях военного времени, был абсолютно негоден для качественного подбора тех, кому предстояло сделать командирскую службу своей *постоянной профессией*, и уже 26 ноября 1924 г. пленум Реввоенсовета СССР (РВС СССР) постановил «просить ЦК РКП и ЦК РЛКСМ» «установить» для лиц, «командируемых» партийными и комсомольскими организациями в военные школы, «преимущественно добровольное поступление», а 1 декабря потребовал направлять красноармейцев срочной службы в военные школы только «по принципу добровольчества»⁵. Однако добровольцев-рабочих от этого не прибавилось, и многих и потом направляли учиться на командира принудительно. Чаще всего это делали (в порядке партийной или комсомольской дисциплины) гражданские партийные и комсомольские организации, но администрировали и воинские части – которые тоже получали разрядки на поставку кандидатов в военные школы. «Присылают <...> иногда в приказном порядке», – констатировал, например, обследовав в феврале 1932 г. Орджоникидзенскую пехотную школу, помощник командующего войсками Северо-Кавказского военного округа (СКВО) М.Д. Великанов; так, кандидаты, прибывшие из 33-й стрелковой дивизии Белорусского военного округа (БВО), заявили на мандатной ко-

¹ Там же. С. 305.

² Там же. С. 307.

³ Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная Армия в 1920-е годы. М., 2007. С. 188, 190.

⁴ РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 74. Л. 208; Д. 179. Л. 57.

⁵ Реформа в Красной Армии. Кн. 1. С. 286, 694

миссии: «Нас прислали силой, мы учиться не хотим»¹. Еще летом 1932-го РВС СССР постановил, что будущих командиров следует отбирать не только из добровольцев, но и из призываемых на срочную службу. Неудивительно, что в сводке о ходе подготовки в частях кандидатов для военных школ от 15 мая 1933 г. начальник УВУЗ ГУ РККА Е.С. Казанский констатировал наличие у кандидатов нежелания учиться. Так, в отдельном батальоне связи 19-го стрелкового корпуса ЛВО, готовившем кандидатов для Ленинградской школы связи, «почти весь состав» был «настроен против поступления в военные школы»² ...

Никто с этим, однако, считаться не собирался, и нежелающих (если только они не отсеивались из-за слишком уж низкого общеобразовательного уровня) все равно зачисляли в курсанты. И еще в начале и середине 30-х гг. характернейшей чертой советских военных школ были «отчисленческие настроения» – нежелание части курсантов учиться и становиться командирами РККА. Пик их пришелся на конец 1931–1932 гг. – закономерно совпав с апогеем принудительного направления рабочих в военные школы. Для укомплектования бронетанковых школ, артиллерийских школ и школ связи в 1931–1932 гг. провели два спецнабора коммунистов и комсомольцев преимущественно из рабочих и преимущественно со средним или неполным средним образованием. В результате их в курсантскую среду в два приема влилось около 8500 человек³, не только не собиравшихся стать профессиональными военными, но и в значительном числе нацелившихся уже на учебу в гражданских вузах или техникумах (в которые они успели поступить или готовились поступать). «Много» курсантов спецнабора, докладывал 11 января 1932 г. наркому по военным и морским делам К.Е. Ворошилову начальник Главного управления и военно-учебных заведений РККА (ГУ и ВУЗ РККА) Б.М. Фельдман, «считало ошибкой ЦК перевод их с гражданской учебы на военную. <...> Отсюда – случаи дезертирств и прямого отказа от военной службы»⁴. Их, правда, было мало. В процессе набора становиться военными отказались всего несколько процентов кандидатов, отобранных в 1931 г., и около 1,5% отобранных в 1932-м, а из уже зачисленных в 1931-м дезертировали лишь 1,7%, а в 1932-м – 0,4% (еще 0,25% отказались учиться)⁵. Но это случаи *прямого отказа* членов партии выполнить решение ЦК ВКП(б), а «отчисленческие настроения» бытовали у куда большего числа «спецнаборников». Так, из 850 коммунистов, прибывших в 1931 г. по спецнабору в Орловскую бронетанковую школу, более 100 (т.е. 12–15%) подали заявления об увольнении их из РККА; «вне всякого сомнения», докладывал 11 февраля 1933-го начальник школы Мольнов, «фактическое количество людей, которые так думали, но не рискнули подать заявления, было больше».

Относительно спецнабора 1932 г. Мольнов лишь уклончиво заметил, что «много еще до сих пор у некоторых курсантов личного, настолько много, что это личное иногда затемняет его [курсанта – А.С.] классовое интернационал[истское – А.С.] сознание и перед нами он встает как настоящий болотный обыватель»⁶. Но вот начальник политотдела Ульяновской бронетанковой школы С.П. Тарабрин 17 сентября 1932 г. честно доложил, что у спецнабора этого года «особенно много из отрицательных настроений было связано с нежеланием учиться в школе и быть командиром», а 19 октября – что «количество настроений, связанное [так в документе – А.С.] с уходом из школы, остается все еще большим». Как отмечала комиссия РВС СССР, «настроения нежелания служить в РККА, охватившие значительную прослойку спецнабора», в Ульяновской школе «были крайне сильны» и в начале 1933 г.⁷ Добиваясь отчисления, некоторые (как и в Орловской в 1931-м) симулировали неуспеваемость – нарочно получая «неуды» и промахиваясь на стрельбах – или специально нарушали дисциплину... А начальник Сумской артиллерийской школы 10 марта 1932 г. прямо докладывал, что служить в армии не хочет «значительная часть» спецнабора⁸.

Весьма распространенными «отчисленческие настроения» были тогда и среди «нормальников» – курсантов обычных наборов. Так, комиссия УВУЗ ГУ РККА, посетившая в феврале 1931 г. 2-ю Ленинградскую артиллерийскую школу, выявила, что 20–30 курсантов настроены демобилизационно, а начальник Ленинградской пехотной школы в докладе к заседанию РВС СССР 16 апреля 1932 г. признал, что в среднем 10–15 курсантов постоянно пропяляют отчисленческие настроения⁹. По аналогии с Орловской бронетанковой можно с уверенностью предположить, что разделявших, но не афишировавших эти настроения было гораздо больше. Инспектировавшие в феврале 1932 г. Ленинградскую артиллерийско-техническую школу прямо указали, что «значительное место в среде курсантов-партийцев нового набора занимало нежелание учиться в школе»¹⁰. А комиссия помкомвойсками СКВО М.Д. Великанова, обследовавшая в том же месяце Орджоникидзенскую пехотную, не смогла не отметить, что «откомандировочные настроения» являют собой «тревожный момент» в жизни школы, что на почве нежелания учиться среди курсантов процветает «есенинщина», популярны «упадочные» стихи:

Школа как тюрьма,
Я белых стен боюсь¹¹...

Достаточно большому числу курсантов военная школа казалась тюрьмой и после 32-го. Так, стоило только военному комиссару Томской артиллерийской разрешить в феврале 1934 г. открыто заявлять о нежелании учиться, как около 40 курсантов 1-го курса подали соответствующие докладные записки¹². «Наиболее распространенным» видом отрицательных настроений, докладывал в июле 1935 г. военком Ульяновской бронетанко-

¹ РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 178. Л. 66.

² Там же. Д. 101. Л. 18.

³ Подсчитано по: Там же. Д. 76. Л. 13; Ф. 9. Оп. 36. Д. 262. Л. 209.

⁴ Там же. Ф. 62. Оп. 3. Д. 76. Л. 19.

⁵ Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 262. Л. 210.

⁶ Там же. Оп. 31. Д. 74. Л. 3, 14. Слова «иногда» и «интернационал[истское]» вставлены в текст (черновик доклада начальнику политуправления Московского военного округа) при редактировании документа.

⁷ Там же. Ф. 62. Оп. 3. Д. 176. Л. 84, 106; Ф. 9. Оп. 31. Д. 75. Л. 330–331.

⁸ Там же. Ф. 62. Оп. 3. Д. 22. Л. 66.

⁹ Там же. Д. 223. Л. 2; Д. 14. Л. 49.

¹⁰ Там же. Д. 219. Л. 23.

¹¹ Там же. Д. 178. Л. 44.

¹² Там же. Д. 226. Л. 7 об.

вой школы И.Л. Игумнов, «являются все еще продолжающиеся «отчисленческие» – нежелание быть в школе, а иногда и вообще в РККА»¹. То, что «среди курсантского состава распространены отчисленческие настроения», отметила и комиссия Управления военно-учебных заведений РККА (УВУЗ РККА), инспектировавшая в феврале 1935 г. 1-ю Ленинградскую артиллерийскую школу. Правда, она указала, что «основная причина их – трудности учебы»², но, судя по замеченному в школе годом раньше равнодушному отношению курсантов к своей будущей специальности (см. ниже), в не меньшей степени сказывалось и нежелание быть командиром.

Понятно, что плодотворной учебы от не желавших учиться ждать не приходилось. Нежелание спецнабора 1931 г. служить в армии, докладывал 11 февраля 1933 г. начальник Орловской бронетанковой школы Мольнов, создало «очень тяжелую обстановку в работе и учебе. Больших трудов стоило командованию и парторганизации школы переключить спецнабор на учебу и работу в рядах РККА». То, что «отчисленческие настроения» мешают учиться, подчеркнул и обследовавший в феврале 1932 г. 2-ю Ленинградскую артиллерийскую школу инспектор артиллерии РККА Н.М. Роговский³. Помощник начальника 1-го сектора УВУЗ ГУ РККА С.С. Гулевич, проинспектировав в апреле 1934 г. три ленинградские школы, где бытовали «отчисленческие настроения» (обе артиллерийские и артиллерийское отделение пехотной) закономерно обнаружил, что во всех трех «среди курсантского состава не наблюдается ярко выраженное стремление овладеть возможно лучше вопросами своей специальной подготовки [курсив мой – А.С.]»⁴. Сравним это с атмосферой, царившей в 1913 г. в одном из двух тогдашних артиллерийских училищ – Михайловском. «Михайловцы и обстановка их училища, – вспоминал бывший тогда кавалерийским юнкером А.Л. Марков, – произвели на меня впечатление настоящего храма науки, а мои давние товарищи по классу приобрели, скорее, вид ученых, нежели легкомысленных юнкеров. Чувствовалось, что училище живет серьезной трудовой жизнью и в нем нет места показательной стороне»⁵...

Только 17 июня 1935 г. – когда уже наметился отказ от политики «орабочивания командных кадров» – нарком обороны утвердил инструкцию о вербовке и отборе кандидатов в сухопутные военные школы, в которой значилось, что школы комплектуются вербовкой «добровольно изъявивших желание» поступить в них. И, даже предупреждая 13 августа 1935 г. начальников школ о необходимости «безусловно» принять малограмотный, но «ценный по своим социальным и партийным признакам» и «подающий надежды на быстрое повышение общеобразовательной подготовки контингент», начальник УВУЗ РККА Е.С. Казанский оговорил, что контингент этот должен быть еще и «желающим учиться в школе»⁶. Правда, план вербовки военкоматам и воинским частям никто не отменял, и на практике добровольный принцип (как это часто бывало в СССР) оборачивался подчас «добровольно-принудительным». 8,1% кандидатов, присланных в 1935 г. в сухопутные военные школы (в пехотных – 14,1%), выразили-таки «нежелание учиться в школе»⁷. Но насильно делать из них командиров уже не стали и отчислили.

Плакат «Да здравствует рабоче-крестьянская Красная Армия – верный страж советских границ!». Художник Г.Г. Клуцис. 1935

Призыв в РККА (Куртамыш, 1940). Фото с сайта <http://www.kurgangen.org/fi/photos/7a9f550638dcb151dff256c9b278ff35.jpg>

А в 1936 г. – когда вместо рабочих в военные школы решили, наконец, широко вовлекать учащуюся молодежь – проблем с набором не возникло, желающих стать курсантами оказалось в 10 раз больше, чем вакансий! Правда, «огромную роль в деле комплектования военных школ» в том году сыграли введение в конце 1935-го персональных воинских званий и новой формы одежды и повышение командсостава зарплат⁸. Улучшение внешнего вида военных стало соблазнять даже рабочих! Среди желающих стать курсантами, докладывал 20 июля 1936 г. помощник начальника Орловской бронетанковой школы по политической части бригадный комиссар А.И. Александров, «канди-

датов непосредственно со школьной скамьи немного», но «каждый приходящий с заявлением о приеме обязательно задает вопрос о форме, присвоенной курсантам ВУЗ. Очевидно, этот вопрос играет не второстепенную роль»⁹... Однако факт остается фактом: только практически полный отказ в 1936 г. от «орабочивания командного состава» позволил как никогда последовательно провести принцип добровольного поступления в военные школы.

Так или иначе, в середине 30-х гг. немалая часть командсостава РККА служила из-под палки – и это обстоятельство нельзя не учитывать при поиске корней той низкой дисциплинированности, которой этот командсостав отличался еще до репрессий 1937–1938 гг.; той низкой дисциплинированности, которая делала частым явлением

¹ Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 1697. Л. 10.

² Там же. Д. 1673. Л. 31.

³ Там же. Оп. 31. Д. 74. Л. 3; Ф. 62. Оп. 3. Д. 223. Л. 10.

⁴ Там же. Ф. 62. Оп. 3. Д. 226. Л. 2.

⁵ Марков А. Кадеты и юнкера. Русские кадеты и юнкера в мирное время и на войне // Кадеты и юнкера. Кантонисты. М.: Воениздат, 2001. С. 77.

⁶ РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 109. Л. 50, 77.

⁷ Там же. Д. 74. Л. 59.

⁸ Там же. Л. 147, 148.

⁹ Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 1868. Л. 53.

халатное отношение к своим обязанностям¹. В частности, не подлежит сомнению, что характерный для РККА середины 30-х плохой уход за автобронетехникой в немалой степени был обусловлен нежеланием значительной части технического состава автобронетанковых войск служить в армии. Ведь среди этого техсостава было особенно много лиц, зачисленных в военно-учебные заведения насильно – по спецнаборам 1931 и 1932 гг. и партийным мобилизациям (когда студентов-коммунистов гражданских технических вузов переводили в Военную академию механизации и моторизации – ВАММ). Явно не случайно, что только среди этой части комначсостава РККА источники фиксируют открытое высказывание «демобилизационных настроений» (командующему войсками Киевского военного округа И.Э. Якиру из-за участвовавшей присылки ему и наркому обороны писем от комначсостава «специальных частей» из бывших студентов «с жалобами на неудовлетворенность службой и даже с просьбами об увольнении из Красной Армии» пришлось даже издать специальный приказ № 0030 от 29 августа 1935 г.²) и что эта часть комначсостава в середине 30-х гг. вообще была притчей во языцех. Отметив на активе наркомата обороны 13–15 марта 1937 г., что в танковых батальонах, которыми он командовал в 1934–1936 гг. в 5-й и 4-й механизированных бригадах БВО, было много аварий из-за выпуска машин в эксплуатацию без техосмотра, майор П.М. Арман прямо заявил: осмотр не проводился, в частности, потому, что «часть технического состава не была пригодна для службы в армии <...> Это переведенные из гражданских вузов, попавшие против воли в армию. Они не хотели служить в армии и они армию не любили»³. Характерна и оговорка в докладе заместителя начальника 5-го отдела Политического управления РККА Е.М. Борисова от 1 апреля 1935 г. о состоянии танкового вооружения в 8-й механизированной бригаде Украинского военного округа. Заметив, что «многие наши помпотехи [помощники командиров рот и батальонов по технической части – А.С.] «нередко хуже знают технику вооружения, чем командир башни», Борисов уточнил: «особенно молодые академики из бывших “парттысячников”»⁴. В самом деле, студенты гражданских вузов, насильно, в счет «партийной тысячи», переведенные в ВАММ, вряд ли горели желанием осваивать свою новую, нежеланную для них профессию...

В конечном счете все это мешало боевой подготовке войск. И тот факт, что часть комначсостава РККА служила «из-под палки», должен обязательно учитываться при поиске причин низкого уровня боевой выучки Красной Армии середины и второй половины 30-х гг.⁵

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 51, 55.
2. РГВА. Ф. 9. Оп. 31. Д. 74, 75; Оп. 36. Д. 262, 1015, 1673, 1697, 1868; Оп. 41. Д. 6.
3. РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 22, 74, 76, 101, 109, 178, 219, 223, 226.
4. РГВА. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 148.
5. Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная Армия в 1920-е годы / Шеф-ред. С. Кудряшов. М.: Архив Президента Российской Федерации, 2007.
6. Деникин А.И. Старая армия // Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М.: Айрис-пресс, 2006. С. 91–382.
7. Марков А. Кадеты и юнкера. Русские кадеты и юнкера в мирное время и на войне // Кадеты и юнкера. Кантонисты. М.: Воениздат, 2001. С. 3–97.
8. Мовчин Н. Комплектование Красной Армии / Штаб РККА. Управление по исследованию и использованию опыта войн. М.: Издание военной типографии Упр. делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1926.
9. Мураховский М.Н. Картины полковой жизни (из воспоминаний кавалерийского офицера) // Кавалеристы в мемуарах современников. 1900–1925. Вып. 3. М.: Рейтар, 2001. С. 3–38.
10. Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг. Кн. 1–2. М.; СПб.: Летний сад, 2006.
11. Смирнов А.А. Боевая выучка Красной Армии накануне репрессий 1937–1938 гг. (1935 – первая половина 1937 года): В 2 т. М.: ООО «Родина-медиа», 2013.
12. Смирнов А.А. Крах 1941 – репрессии ни при чем! «Обезглавил» ли Сталин Красную Армию? М.: Яуза: Эксмо, 2011.
13. Смирнов А.А. «Социальный расизм» и деинтеллектуализация командного состава Красной армии в 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Величие и язвы Российской империи. Международный научный сборник к 50-летию О.Р. Айрапетова. М.: Издательский дом «Регнум», 2012. С. 576–609.
14. DeWitt N. *Soviet Professional Manpower: Its Education, Training, and Supply*. Washington: National Science Foundation, 1955.
15. Erickson J. *The Soviet High Command: A Military-Political History, 1918–1941*. London: Frank Cass Publishers, 2001.
16. Glantz D.M. *Stumbling Colossus: The Red Army on the Eve of World War*. Lawrence: University of Kansas Press, 1998.
17. Merridale C. *Ivan's War: The Red Army at War 1939–45*. London: Faber & Faber Ltd., 2011.
18. Reese R.R. *Red Commanders: A Social History of the Soviet Army Officer Corps, 1918–1991*. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 2005.
19. Reese R.R. *Stalin's Reluctant Soldiers. A Social History of the Red Army 1925–1941*. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 1996.
20. Stone D.R. "Industry and the Soviet Army." *The Military History of the Soviet Union*. Eds. R. Higham, and F. Kagan. Basingstoke and New York: Palgrave, 2002, pp. 65–78.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Смирнов, А. А. Принудительное комплектование Красной Армии командным и начальствующим составом в 1920-е—1930-е гг. / А.А. Смирнов // Пространство и Время. — 2014. — № 4(18). — С. 144—149. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271provgt_st4-18.2014.71

¹ Подробнее см.: Смирнов А.А. Боевая выучка... Т. 2. С. 120–172.

² РГВА. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 148. Л. 56.

³ Там же. Ф. 9. Оп. 41. Д. 6. Л. 83.

⁴ Там же. Оп. 36. Д. 1015. Л. 12.

⁵ Об этом уровне см.: Смирнов А.А. Боевая выучка... Т. 1; Он же. Крах 1941 – репрессии ни при чем! «Обезглавил» ли Сталин Красную Армию? М.: Яуза: Эксмо, 2011.